

главных определяющих политического развития Греции в архаическую эпоху. Такое объединение двух противоположностей в одной магистратуре не могло быть устойчивым: постоянно брал верх то один, то другой принцип. Соответственно и экстраординарная магистратура, не будучи воплощением какого-то одного из принципов и выражением интересов тех, кто его придерживался, не нашла широкого распространения и часто рассматривалась аристократами всего лишь как ступень к установлению тирании. Лишь тирания в глазах аристократии была настоящей целью борьбы за власть. Однако не только субъективный фактор имел значение, но и объективный – в условиях слабости полисных институтов лишь тирания могла довести до конца процесс формирования греческих государственных образований, поэтому она была столь распространена⁹⁷.

AIΣYMNETAI: TYRANTS TRUE TO TRADITION, OR UNTRULY UNDERSTOOD TRADITION?

Ye.I. Solomatina

The author, basing herself upon the analysis of both written and epigraphic sources, examines the appearance of *aisymnetia* from the viewpoint of polis institution development in the Archaic epoch. She argues against the opinion common for Russian historiography which regards the Archaic *aisymnetia* as people's dictatorship, and considers the former to be the result of the aristocratic struggle.

© 2004 г.

А. М. Сморгчов

НЕМАГИСТРАТСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ХРАМЫ РЕСПУБЛИКАНСКОГО РИМА

Как и в других сферах жизни, в религии римляне четко отличали частное от общественного¹. Касалось это и храмового строительства. Юрист Элий Галл, определяя понятие *sacrum* («священное»), указывал на различие в статусе публичного и частного святилища: «Священным является то, что посвящено по любому предписанию² и установлению государства, – или здание, или алтарь, или статуя, или участок, или деньги, или что-нибудь иное, что богам посвящено и освящено. Что же из этих вещей посвящают богу частные лица ради собственных религиозных целей, это римские понтифики священным не считают»³. Учреждение нового общественного храма в религи-

⁹⁷ *Gehrke H.-J.* Jenseits von Athen und Sparta. München, 1986. S. 42; *Stahl M.* Aristokraten und Tyrannen... S. 138–255.

¹ *Fest.* P. 284L, s.v. publica sacra; *Macr.* Sat. I. 16. 5, 7, 8; *Cic.* De Domo. 105; *Har. Resp.* 14; *Liv.* I. 20. 6; *V.* 52. 3–4; *Nonius.* P. 510M, 820L. Это отметил и греческий автор: *Dionys.* II. 65. 1.

² Конъектура Лахмана: quodcumque more («все, что по обычаю»).

³ *Fest.* P. 424L, 13–24: *Gallus Aelius* ait sacrum esse, quocumque modo atque instituto civitatis consecratum sit, sive aedis, sive ara, sive signum, sive locus, sive pecunia, sive quid aliud, quod dis dedicatum atque consecratum sit; quod autem privati[s] suae religionis causa aliquid earum rerum deo dedit, id pontifices Romanos non existimare sacrum.

озно-обрядовом отношении состояло из трех этапов: *votum* (обет), *locatio* (выделение и освящение участка для будущего храма), *dedicatio* (освящение построенного храма). Все три названных ключевых пункта ритуального учреждения общественного храма осуществлялись только магистратами, а также (в двух последних случаях) специально назначенными дуумвирами (*duumviri aedi locandae, aedi dedicandae*)⁴. В свою очередь, каждый гражданин был волен на своей земле сам учредить свое, частное святилище, если это не нарушало общественных интересов. Классический образец – учреждение в 296 г. до н.э. святилища Плебейской Скромности (*Pudicitiae Plebeiae*): Вергиния, жена консула этого года Луция Волумния, не допущенная матронами-патрицианками к священнодействиям в храме (*sacellum, templum*) Патрицианской Скромности, выделила в своем доме место, достаточное для небольшого святилища, установила там алтарь и в присутствии матрон-плебеек посвятила (*dedicare*) его Плебейской Скромности (*Liv. X. 23. 3–10*). Такое место приобрело неформально сакральный характер, подобно местам погребений⁵.

Проблема заключается в том, что известно несколько случаев, которые весьма похожи на учреждение общественных храмов частными лицами. Такая ситуация представляется невозможной с точки зрения привычной схемы жесткого противостояния общественного и частного культов. Причем речь идет главным образом об участии женщин, что тем более кажется странным и необычным. Но лишь немногие исследователи попытались проанализировать и объяснить эти эпизоды, однако – в рамках все той же привычной схемы.

Первая история – о храме Женской Судьбы (*Fortunae Muliebris*), который античная традиция связывает с легендарным женским посольством к Кориолану, якобы спасшим Рим во время войны с вольсками в 488 г. до н.э. Насколько верна эта версия, трудно судить. Возможно, поводом для нее послужило расположение храма в шести километрах от Рима, у четвертого милевого столба по *via Latina*⁶, на границе древнего *ager Romanus*⁷. Понятны сомнения в достоверности традиции, касающейся столь давних сюжетов⁸, но обращает на себя внимание ее единодушие в признании изначально общественного характера храма. Греческие авторы Дионисий и Плутарх приводят наиболее подробные рассказы⁹ о том, что женщины обратились к сенату за разрешением на сооружение храма, причем в изложении Плутарха они просили сенат еще и о том, чтобы государство взяло на себя расходы на священнодействия. Но сам храм женщины предлагали построить на собственные средства. Сенат и народ постановили все расходы оплатить за общественный счет, в том числе, согласно Дионисию, на общественные средства купить храмовый участок (*τέμενος ὠνήθην* – *Dionys. VIII. 55. 3*). Видимо, греческий историк предполагал, что место встречи женского посольства с Кориоланом, которое они избрали для постройки храма, могло быть на частной земле. Особый интерес представляет его сообщение о том, что первую жертву женщины принесли за народ (*ὄψερ τοῦ*

⁴ *Mommsen Th. Romisches Staatsrecht. Bd 2. Aufl. 3. Lpz, 1887. S. 618–624; Ziolkowski A. The Temples of Mid-Republican Rome and their Historical and Topographical Context. Roma, 1992. P. 193.*

⁵ Ср. применение понятия *religiosum* к местам погребений: *Cic. Leg. II. 55; Fest. P. 350L, 1–2; Gai. II. 6; D. I. 8. 6. 4–5 (Marcian.); 11. 7. 2pr. 5; 8. 1. 7 (Ulp.); Inst. II. 1. 9.*

⁶ *Val. Max. I. 8. 4; Fest. P. 282L, s.v. Pudicitiae signum; Aur. Vict. De vir. ill. XIX. 3, 5; Dionys. VIII. 55. 3 (ср. 36. 3).*

⁷ *Strabo. V. 3. 2. Ср. Val. Max. IV. 1. 10.*

⁸ *Palmer R.E.A. Roman Religion and Roman Empire. Five Essays. Philadelphia, 1974. P. 20; Champeaux J. Fortuna dans la religion archaïque. Rome, 1982. P. 335–341, 368–372.*

⁹ *Dionys. VIII. 55, 56; Plut. Coriol. 37.*

δῆμου), а освящен храм был одним из консулов, Прокулом Вергинием (*ibid.* 5). Интересную параллель последнему свидетельству Дионисия дает Ливий. Дионисий утверждает, что первая жертва на священном участке еще непостроенного храма была принесена в декабре, ровно через год после упомянутых событий (*ibid.* 4), а сам храм освятили в месяце *квинтилии* (июле) уже следующего года (*ibid.* 5). Таким образом, весь процесс занял чуть более полутора лет. Ливий не дает таких сведений, но сообщает, что Прокул Вергиний был консулом также на второй год после войны 488 г. до н.э., а именно – в 486 г. до н.э.¹⁰ Сообщение об участии высшего магистрата имело наибольшие шансы сохраниться, поэтому из всей информации Дионисия вызывает большее доверие. Кроме того, передавая рассказ о случившейся тогда же эпифании богини (одна из ее статуй произнесла фразу на латинском языке), встречающийся и у других авторов, Дионисий в качестве доказательства ссылается на записи жрецов, очевидно, понтификов¹¹.

Таким образом, строительство храма на общественной земле, по решению сената и народа, за общественный счет, освящение его действующим консулом, оплата расходов на священнодействия государством, жертвоприношения с общественными целями («за народ») – все это свидетельствует о том, что для Дионисия и Плутарха храм Женской Судьбы, несомненно, являлся общественным изначально. Да и сама удаленность храма, находившегося на границе древнейшей римской территории, скорее предполагает общественную, а не частную постройку. К сожалению, рассказ об этих событиях у Ливия весьма краток, но и он, кажется, не противоречит утверждениям греческих авторов: «Не отказали римские мужи женщинам в своей похвале... В качестве соответствующего памятника был воздвигнут и освящен храм Женской Судьбы»¹². Нам представляется, что Ливий считает названный храм делом всего римского народа («римских мужей»), а не чьим-то частным предприятием, подобно святилищу Плебейской Скромности. При этом сам храм оставался исключительно женским, и к священнодействиям в нем допускались лишь матроны, которые состояли в одном браке¹³. Впрочем, преимущественная связь определенной группы населения с каким-либо общественным храмом не была редкостью в Риме.

Известно еще об одном храме, который был основан женщинами, – это храм Юноны Луцины на Эсквилинском холме в посвященной ей роще¹⁴. Время его основания – 375 г. до н.э. (*Plin. NH. XVI. 235*). Согласно сообщению Веррия Флакка в Пренестинских фастах, 1 мая отмечался день, в который матронами (или, точнее, «благодаря им» – *per matronas*) был освящен этот храм, а обет дала дочь (либо жена) некоего Альбина¹⁵ ради благополучия ребенка и роженицы¹⁶.

¹⁰ *Liv. II. 41. 1*; ср. 39. 9; 40. 14. О войне см. *Liv. II. 39*; 40. 1–13.

¹¹ *Dionys. VIII. 56. 1*: ὅς αἱ τῶν ἱεροφαντῶν περιέχουσι γράφαί. См. также *Val. Max. I. 8. 4*; *Plut. Coriol. 37, 38*.

¹² *Liv. II. 40. 11–12*: Non inviderunt laude sua mulieribus viri Romani... Monumento quoque quod esset, templum Fortunae muliebri aedificatum dedicatumque est.

¹³ *Dionys. VIII. 56. 4*; *Fest. P. 282L*, s.v. Pudicitiae signum; *Serv. Ad Aen. IV. 19*.

¹⁴ О роще Юноны Луцины см. *Ovid. Fast. II. 435–452*; *Varro. LL. V. 49*; *Plin. NH. XVI. 235*.

¹⁵ Возможно, это тот самый Луций Альбин(ий) – плебей, который помог весталкам спасти их святины перед галльским нашествием в 390 г. до н.э. (*Liv. V. 40. 9–10*; *Flor. I. 13. 12*; *Plut. Camil. XXI*): *Sordi M. I rapporti romano-ceriti e l'origine della civitas sine suffragio. Roma, 1960. P. 49–52*; *Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books I–V. Oxf., 1965. P. 723*.

¹⁶ *Ins. It. V. XIII. Fasc. 2. P. 120–121*: [un]o[n]i Lucinae Esquilii, quod eo die aedis ei d[edica]ta est per matronas, quam voverat Albin[i] filia vel uxor, si puerum [parientem]que ipsa[m fovisset]. См. также *Fasti Antiatles Maiores ad 1 Mai* (*ibid. P. 6*): Iunon(i).

О том же, правда, упоминая 1 марта, писал Овидий, опирающийся на информацию фаст: «На холме, который ныне называется Эсквилинским, был возведен латинскими снохами храм Юноне в этот, помнится, общественный день...»¹⁷. Это был женский культ богини-родовспомогательницы¹⁸. Храм Луцины, несомненно, был общественным. Об этом свидетельствуют упоминание его в календарях, а также в списке Аргеев (Varro. LL. V. 50), наличие храмового служителя (*aeditumus* – *ibid.*), искупление связанных с этим храмом продигий (190 г. до н.э. – Liv. XXXVII. 3. 1–2). Последние учитывались только в том случае, если случались на общественной земле (Liv. XLIII. 13. 6). Однако указанные свидетельства не отвечают на вопрос: был ли храм общественным изначально или стал таковым позднее? Выбор ответа является принципиальным для решения поставленной проблемы.

По поводу характера храмов Женской Судьбы и Юноны Луцины в историографии высказаны два основных мнения. А. Жолковски полагает, что эти храмы были основаны как частные святилища, но со временем они стали общественными (Юноны Луцины – к середине III в. до н.э.)¹⁹. Для его аргументации характерно чрезмерное доверие к Ливию. Важнейшее доказательство непубличного характера храма Юноны Луцины при его основании А. Жолковски видит в отсутствии упоминания этого события у Ливия²⁰. Однако Ливий не сказал ни слова и об учреждении в начале V в. до н.э. знаменитого храма Цереры, Либера и Либеры, чье религиозное и политическое значение сопоставимо с таковым храма Юпитера Капитолийского. Другая концепция считает храмы Женской Судьбы и Юноны Луцины изначально общественными, отвергая всю традицию об участии женщин в их учреждении²¹. Подобный упрощенный способ решения проблем вряд ли приемлем. Нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство: античные авторы единодушны и непротиворечивы в этом вопросе, их не удивляет и соответственно они никак не комментируют то, что вызывает недоумение у современных исследователей, – а именно, участие женщин (т.е. частных лиц) в основании общественных святилищ.

Конечно, информация античных авторов о столь давних временах (начало IV в. до н.э. и, тем более, начало V в. до н.э.) всегда будет вызывать те или иные сомнения. Но нам известно одно подобное событие, которое бесспорно имело место. Речь идет о посвящении в 123 г. до н.э. небольшого храма и алтаря весталкой Лицинией. Этот случай упомянул Цицерон в своем выступлении перед коллегией понтификов в 57 г. до н.э. (*De Domo*. 136–137), т.е. всего лишь через 66 лет после события, причем по поводу данной дедикации он цитировал официальные документы – постановление сената и ответ коллегии понтификов. Таким образом, сведения Цицерона обладают высокой степенью надежности и точности. Сразу же обращает на себя внимание в ответе понтификов указание, что храм был построен на общественной земле (*in loco publico* – *ibid.* 136). Поскольку храм стоял *sub Saxo*, т.е. рядом с одной из вершин Авентина, то предполагают, что это был храм Доброй Богини (*Bona*

¹⁷ Ovid. Fast. III. 246–248: qui nunc Esquilias nomina collis habet, illic a nuribus Iunoni templa Latinis hac sunt, si memini, publica facta die. См. также Fest. P. 131L, s.v. Martias Kalendas.

¹⁸ Ovid. Fast. II. 435–452; III. 255–258; Maer. Sat. VII. 16. 27. С этим связано требование развязывать все узлы на одежде во время жертвоприношения Луцине (*Serv. Ad Aen.* IV. 518).

¹⁹ Ziolkowski. Op. cit. P. 68–69, 234.

²⁰ Ibid. P. 68–69. Речь идет, разумеется, о сохранившихся книгах Ливия.

²¹ Palmer. Op. cit. P. 19–21.

Dea), находившийся там же²². В изложении Овидия храм Доброй Богине посвятила (dedicare) также весталка, правда, у него она названа Клавдией (Ovid. Fast. V. 155–156). Впрочем, ошибка у поэта вполне допустима²³. Дедикацию Лициния осуществила явно не в силу своих сакральных полномочий, а как частное лицо, ибо ее дедикация была отменена. Формальным основанием отмены явилось нарушение Папириева закона, который запрещал посвящение здания, земли, алтаря без постановления плебса (Cic. De Domo. 127). Озабочился правомерностью действий весталки сенат, по его же решению претор сделал запрос в коллегиям понтификов. Именно они указали на несоблюдение названного закона: «Поскольку Лициния, дочь Гая, совершила посвящение на общественной земле без постановления народа, это священным не считается»²⁴. И тогда сенат поручил городскому претору выполнить решение понтификов: удалить алтарь, снять посвящение с этого места и уничтожить надпись о дедикации (ibid. 136–137). По всей видимости, храм был освящен заново, уже с соблюдением всех формальностей²⁵. Активное участие в событиях органов публичной власти, как и строительство храма на общественной земле, на наш взгляд, свидетельствуют в пользу его изначально общественного характера²⁶. Овидий прямо утверждает, что храм был основан по приказу сената (templum patres... constituere – Ovid. Fast. V. 153–154), хотя, конечно, его сведения могут относиться к предполагаемой новой дедикации, осуществленной после отмены дедикации весталки.

Еще одно интересное свидетельство об участии частного лица в учреждении святилища на общественной земле имеется в сочинении юриста первой половины I в. н.э. Мазурия Сабина «О достопамятном». Он сообщает об основании одного из двух храмов Геркулеса Победителя (Victor) торговцем (в молодости – флейтистом) Марком Октавием Герсенном (Serv. Ad Aen. VIII. 363; Macr. Sat. III. 6. 10–11). Правда, не ясно, какой храм имеется в виду – у ворот Трех Близнецов (ad Portam Trigeminam) либо на Бычьем форуме (in foro Boario). Оба они упомянуты Сервием и Макробием, которые привели цитату из Мазурия Сабина для объяснения эпитета «Победитель» у Геркулеса. В любом случае храм стоял на общественной земле, ведь место для него Октавий испросил у магистратов (impetrato a magistratibus loco). В историографии, однако, оба названных храма предположительно считают магистратскими посвящениями и относят их строительство к середине II в. до н.э.²⁷ Но остается вопрос: какой же тогда храм (aedes) и изображение (signum) Геркулеса Победителя посвятил (sacrauit) Марк Октавий Герсенн? О том, что это сделал именно он, наш источник говорит недвусмысленно.

Не столь явное отношение к изучаемой проблеме имеет стоящее особняком сообщение Плутарха (Q.R. 56) о постройке римскими матронами храма Карменты, которая, как и Юнона Луцина, была богиней-родовспомогательницей, а также предсказательницей судеб младенцев²⁸. Плутарх связывает

²² Ovid. Fast. V. 148–153. См. Latte K. Romische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 228. Апп. 4; S. 229. Ann. 3; Ziolkowski. Op. cit. P. 19–20.

²³ Попытку объяснить это противоречие предпринял А. Жолковски (Op. cit. P. 20).

²⁴ Cic. De Domo. 136: quod in loco publico Licinia Gai filia iniussu populi dedicasset, sacrum non videriet.

²⁵ Ziolkowski. Op. cit. P. 20.

²⁶ Аргументы против этого вывода – ibid. P. 20–21.

²⁷ Ibid. P. 49. №. 5.

²⁸ Varro ap. Gell. XVI. 16. 4; Ovid. Fast. I. 627–628, 633–636; Plut. Rom. 21; Q.R. 56; Tertul. Ad Nat. II. 11; Aug. C. D. IV. 11.

постройку храма с отменой запрета женщинам ездить на повозках с упряжкой. Точно такую же историю рассказывает и Овидий, правда, не упоминая об учреждении храма (Fast. I. 619–628). Логично эти сообщения связать с борьбой, развернувшейся в 195 г. до н.э. вокруг Оппиева закона. Принятый в 215 г. до н.э., в самый напряженный момент второй Пунической войны, этот закон запрещал женщинам, помимо прочего, именно езду на повозках (Liv. XXXIV. 1. 3). Тем самым было отменено право, дарованное женщинам сенатом еще в самом начале IV в. до н.э. – либо после захвата Вей, в 395 г. до н.э. (Liv. V. 25. 9), либо вскоре после галльской катастрофы (Diod. XIV. 116. 9). Однако сам культ Карменты, которую считали матерью Эвандра²⁹, древнее описываемых событий. О весьма давнем общественном почитании богини свидетельствует наличие в фастах специального праздника Carmentalia (11 и 15 января)³⁰, а также особого жреца (flamen Carmentalis)³¹ – всего лишь пятнадцать римских божеств, в том числе Юпитер, Марс и Квирин, имели своих фламиннов, учреждение которых приписывалось царю Нуме³². В честь Карменты совершались общественные священнодействия – *sacrum publicum* (Cic. Brut. 56), *sacrum pontificale* (Ovid. Fast. I. 462). Упоминают античные авторы и места поклонения Карменте (или двум Карментам) – Овидий говорит о святилище (*sacellum*), а Варрон, Дионисий, Вергилий и Сервий упоминают алтари возле Карментальских ворот³³. Но какое отношение они имеют к храму, построенному женщинами и упомянутому Плутархом, и соответственно каков его статус – прямого ответа нет. В Риме далеко не всегда новый храм связывали со старинными ритуалами и культовыми местами. Определенные сомнения в публичном характере упомянутого Плутархом храма вызывает и молчание Ливия по поводу этого события, хотя он уделит значительное место рассказу о спорах вокруг отмены Оппиева закона. Впрочем, как уже отмечалось, жестких правил в данном вопросе он не придерживался и мог умолчать о знаменитом общественном храме (авентинской триады), но, однако, рассказать об учреждении частного святилища (Плебейской Скромности), если связанная с этим история показалась ему занимательной либо поучительной. Так что все же не стоит пренебрегать единичным сообщением Плутарха, рассказ которого связан с известными общественными событиями. Во всяком случае, сообщение Плутарха является еще одним доказательством активности частных лиц, причем женщин, в храмовом строительстве.

С изучаемой проблемой также может быть связана надпись, найденная всего лишь в одном километре от Коллинских ворот: «Публиция, дочь Луция, жена Гнея Корнелия, сына Авла, соорудила храм Геркулеса и двери и их же украсила, и восстановила священный алтарь. Все это она сделала (и) приказала сделать на средства свои и мужа»³⁴. У Коллинских ворот стоял храм

²⁹ Liv. I. 7. 8; Dionys. I. 31. 1; Ovid. Fast. I. 467–474; Verg. Aen. VIII. 335–336; Strabo. V. 230; Plut. Q.R. LVI; Serv. Ad Aen. VIII. 51, 130, 336, 337; Aur. Vict. Orig. gent. Rom. V. 1–2.

³⁰ Fast. Caeret.; Maff.; Praen.; Varro. LL. VI. 12; Macr. Sat. I. 16.6.

³¹ Cic. Brut. 56; CIL. VI. 3720.

³² Fest. P. 144L, 145, s.v. Maximae dignitationis; cp. Ennius ap. Varro. LL. VII. 45. Их перечисление с соответствующими ссылками на источники см. Marquardt J. Römische Staatsverwaltung. Bd 3. Aufl. 2. Lpz., 1885. S. 326–327. Более подробно см. Vanggaardt J.H. The Flamin. A Study in the History and Sociology of Roman Religion. Copenhagen, 1988. P. 24–26.

³³ Ovid. Fast. I. 629; Varro ap. Gell. XVI. 16. 4; Dionys. I. 32. 2; Verg. Aen. VIII. 337–339; Serv. Ad Aen. VIII. 337.

³⁴ CIL. I. Ed. 2. 981 = VI. 30899: Publicia L. f. Cn. Cornelii A. f. uxor Hercule aedem valsasque fecit eademque expolivit aramque sacram restitu(it). Haec omnia de suo et virei fecit faciendum curavit.

Геркулеса, лишь однажды упомянутый в источниках (Liv. XXVI. 10. 3). Вполне естественно предположить, что надпись относится именно к нему³⁵. Однако это оспаривается по тем же причинам, что и выше: храм, восстановленный частным лицом, а тем более женщиной, скорее был бы частным святилищем, в то время как упомянутый Ливием храм, по всей видимости, являлся общественным³⁶. Следует уточнить, что Публиция не восстановила храм, а построила. Восстановила она только алтарь, уже имевшийся здесь. Конечно, нельзя определенно утверждать, что храм, построенный Публицией, идентичен храму, упомянутому Ливием. Это всего лишь предположение. Но, в любом случае, отметим самостоятельные действия римской матроны в сфере храмового строительства, даже если речь идет о возведении частного святилища.

Нетрудно заметить, что все основанные женщинами храмы, за исключением весьма спорного и неясного случая с храмом Геркулеса, посвящены «женским божествам» – Женской Судьбе, Юноне Луцине, Карменте, Доброй Богине. Однако все названные культы представляли интерес не только для отдельных лиц, но и для общества в целом, ибо его не могла не заботить проблема воспроизводства гражданского коллектива³⁷. Весьма показателен культ Доброй Богини, точнее, один из связанных с ним ритуалов. С одной стороны, это был тайный женский обряд, куда мужчины категорически не допускались³⁸. Но происходил он в доме жены действующего магистрата с империем (консула или претора)³⁹, в нем участвовали общественные жрицы-весталки⁴⁰, и священнодействия совершались «за народ» (*pro populo*)⁴¹. Иными словами, здесь мы имеем дело с сакральной деятельностью частных лиц, причем женщин, в общественных интересах.

Таким образом, можно констатировать определенное противоречие. Несомненно, между частным и общественным культом существовала резкая грань, неоднократно отмечаемая в различных областях сакральной сферы, в том числе в отношении храмов и святилищ. Однако имелись случаи, хотя и немногочисленные, когда на общественной земле храмы строились по инициативе и при активном участии отдельных граждан, что похоже на процедуру основания частного святилища. Попытки объяснить противоречие посредством отрицания факта участия частных лиц либо посредством отрицания изначально общественного характера святилищ, т.е. путем отказа от той или другой части античной традиции, нельзя признать удовлетворительными.

На наш взгляд, решение проблемы заключается в оценке степени противостояния частного и общественного в гражданской общине древнего Рима. Понятно, что любой коллектив, а тем более столь многочисленный, как гражданская община раннереспубликанского Рима, насчитывавшая сотни тысяч человек, представляет собой не механическое объединение индивидов, а совершенно новое качество. Важно то, как индивид воспринимает коллектив, куда он входит, – как чуждую себе силу или как родственную, близкую. Гос-

³⁵ R. Lanciani in: Ziolkowski, Op. cit. P. 45. № 2.

³⁶ Ibid. P. 45.

³⁷ Сморгачев А.М. Взаимодействие общественных и частных празднеств в римской религии // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1991. № 5. С. 53–54.

³⁸ Cic. Har. Resp. 37; Plut. Caes. IX; X; Cic. XIX; Q. R. XX; Senec. Ep. XCVII. 2; Dio Cass. XXXVII. 45. 1.

³⁹ Cic. Har. Resp. 37; Plut. Caes. IX; Cic. XIX; Dio Cass. XXXVII. 45. 1.

⁴⁰ Cic. Har. Resp. 37; Ad Att. I. 13. 3; Plut. Cic. XIX, XX; Dio Cass. XXXVII. 35. 4; 45. 1.

⁴¹ Cic. Har. Resp. 37; Ad Att. I. 12. 3; 13. 3; Senec. Ep. XCVII. 2; Dio Cass. XXXVII. 35. 4.

подстывающие в историографии представления о храмовом строительстве создают впечатление, что этот процесс в Риме был результатом деятельности исключительно отдельных личностей – высших магистратов, а прочие граждане имели к нему лишь весьма косвенное отношение. В итоге, сознательно или нет, но опять утверждается довольно распространенный тезис о резком разграничении частной и общественной религии в древнем Риме, что обусловило якобы изначальную неспособность собственно римской государственной религии удовлетворять религиозные потребности граждан⁴². Нам уже приходилось рассматривать эту проблему при анализе религиозных празднеств⁴³. Был сделан вывод о тесном взаимодействии и взаимовлиянии частного и общественного уровней сакральной сферы республиканского Рима, их сущностном сходстве при четком и осознанном разделении, что отвечает общему принципу относительно гармоничного сочетания частного и общественного начал, столь ярко воплотившемуся в античной форме собственности – базисе полиса. Соответственно гражданин не мог воспринимать общественный культ как нечто совершенно иное, чем его частные священнодействия⁴⁴. Думается, что подобное отношение определяло положение и в других областях религиозной сферы римской гражданской общины, в том числе в храмовом строительстве. Ведь неоднократно римские граждане и гражданки в силу личного патриотического порыва или по решению органов власти вносили средства на общественные нужды, чему немало примеров дает история первых двух Пунических войн, да и вся эпоха Ранней республики с ее бедной общественной казной. Почему это не могло быть распространено на строительство храмов? Подчеркивается в источниках и роль женщин в деле установления мира с богами, особенно во время всенародных молений (*supplicationes*), благодарственных или умиловительных⁴⁵. Матроны участвовали в украшении храмов и организации религиозных празднеств, используя свои собственные средства⁴⁶, как, например, при освящении храма Юноны Царицы в 392 г. до н.э.: «...передают, что освящение прошло с большим блеском благодаря великому старанию матрон» (*Liv. V. 31. 3*). Дары божеству, т.е. храму, по обету или в благодарность – обычное для римского гражданина деяние. Таким образом, римским гражданам и гражданкам инициатива не была заказана. Активная роль женщин не должна удивлять – римлянкам никогда не было чуждо понимание общественных проблем, что неизменно подчеркивала римская историография. Весьма показательную похвальную речь общественным заслугам римских женщин вложил в уста плебейского трибуна Луция Валерия Тит Ливий, излагая споры вокруг отмены Оппиева закона в 195 г. до н.э. (*Liv. XXXIV. 5. 8–10*).

Но ведь и магистрат, с именем которого связан тот или иной храм, принимал участие в строительстве, по большей части, в качестве частного лица. Действительно, *votum, locatio, dedicatio*, как отмечалось выше, осуществлялись только магистратом. Но между ритуалами *locatio* и *dedicatio* несколько лет, а то и десятилетий шло строительство храма, в котором заинтересован-

⁴² *Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1902. S. 31, 53; Latte. Op. cit. S. 25, 147, 212.*

⁴³ *Сморчков. Ук. соч. С. 49–58.*

⁴⁴ Там же. С. 55–56.

⁴⁵ *Liv. III. 5. 14; 7. 8; V. 18. 11–12; 23. 3; X. 23. 1–3; XXVII. 50. 5; 51. 8–9; XLV. 2. 6–7; Plut. Coriol. 33.*

⁴⁶ *Liv. V. 25. 7–9; 31. 3; 50. 7; 52. 10; XXI. 62. 8; XXII. 1. 18; XXVII. 37. 9–10; XXIX. 14. 10–14; XXXIV. 5. 10; Dionys. VIII. 56. 2; Plut. Camil. 8; Coriol. 37; Diod. XIV. 116. 9; Fest. P. 282L, s.v. *Pilentis*.*

ный гражданин принимал участие своими собственными средствами, будучи уже частным лицом. Для дедикации и в этом случае требовался магистрат – обычный или специально назначенный (*duumvir aedi dedicandae*). Как правило, дедикатором становился тот, кто дал обет и позаботился о возведении храма, либо его ближайший родственник, но это не было строго обязательным⁴⁷. Так что посвятить храм мог магистрат, никак не связанный с его основанием. Поэтому храм Женской Судьбы, построенный матронами и для их нужд, посвящал консул. Такой же ситуация, скорее всего, была и в случае с храмами Юноны Луцины и Геркулеса Виктора. По поводу последнего можно предположить следующее: торговец Марк Октавий Герсенн обратился с просьбой к властям предоставить ему место на общественной земле для строительства храма. Его просьба была удовлетворена, и кто-то из магистратов осуществил процедуру *locatio* (не сам же Октавий выбирал место для храма!). Когда он за свой счет построил храм, опять кто-то из магистратов осуществил дедикацию, ибо частное лицо не имело права на это. Впрочем, дедикатором мог быть избран сам Октавий, если фраза наших источников «*Octavius aedem sacravit*» не является результатом неточной или сокращенной передачи реальной ситуации. Назначил же народ дедикатором храма Меркурия в 495 г. до н.э. простого центуриона Марка Летория (*Liv. II. 27. 6*). Можно оспаривать историчность этого сообщения, но данное право народа для Ливия явно представлялось само собой разумеющимся. При выборе дедикатора господствовал скорее обычай, чем закон. Первый закон, который требовал утверждения кандидатуры дедикатора, был принят в 304 г. до н.э. (*Liv. IX. 46. 7*). Впрочем, не суть важно, кто конкретно посвятил храм Геркулеса Победителя, главное, что активное участие в основании нового храма принимало частное лицо. Тот же смысл заключен в надписи об основании храма Юноны Луцины – «*aedes ei dedicata est per matronas*»: не матроны же, в самом деле, все вместе посвятили его, ибо посвящение всегда было индивидуальным актом. Они, по всей видимости, явились инициаторами строительства храма и помогали этому материально, но посвятил его, конечно, магистрат, как в случае с храмом Женской Судьбы. Отметим, что основанием для отмены дедикации Лицинии для понтификов стало несоблюдение ею Папириева закона, а не ее женский пол. Может быть, пусть теоретически, и она как *persona sui iuris* могла быть назначена дедикатором? Иначе не понять, почему понтифики ссылались на закон, а не на обычай.

Таким образом, нам представляется, что в республиканском Риме в отношении святилищ ситуация была той же, что и в отношении священнодействий. С одной стороны, римляне четко отделяли частное от общественного. С другой – эти две сферы находились в тесном взаимодействии и взаимовлиянии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что простые граждане принимали то или иное участие в строительстве и украшении общественных храмов. Другое дело, что их финансовые возможности были ограничены, тем более до начала великих завоеваний: в V–IV вв. до н.э. даже известные полководцы не могли обойтись здесь без помощи государства. Этим объясняется крайняя многочисленность храмов, построенных на частные пожертвования, подобно храму Юноны Луцины. Данная практика не стала и не могла стать обычной в условиях, когда с конца IV в. до н.э. резко умножилось количество магистратских построек: войны стали приносить весьма ощутимую и все более возрастающую добычу. Но в принципиальном плане, думается, не было серьезных препятствий для частного лица оказывать полезным отечеству, в том числе в сакральных делах.

⁴⁷ *Mommsen. Op. cit. Bd 2. S. 621–622.*

NON-MAGISTRATE PUBLIC TEMPLES OF THE REPUBLICAN ROME

A.M. Smorchkov

The article deals with one aspect of the relations between public and private levels of the sacral sphere in the Republican Rome, namely, with the character of the participation of private persons in founding public temples. Normally, this sphere was associated with magistrates' activities, the distinction between private and public sanctuaries being very precise. In a few cases, though, temples were built on public land on the initiative and with the participation of private individuals, mostly women. The best known of them are the temples of Fortuna Muliebris, Iuno Lucina and Bona Dea. Denying a private person's participation or originally public character of the sanctuaries, i.e. rejection of a part of ancient tradition, does not solve the problem. It can only be solved by analyzing the relations between public and private cults and their mutual influence. Modern research tends to oppose them to each other, though such opposition contradicts the nature of *civitas*. For a Roman citizen public cult was part of his life. The sources also underline the role of women in establishing peace with gods. This fact accounts for the participation of citizens in constructing and decorating temples. But since their financial resources were limited, temples built at private expenses were extremely rare. This practice could not become common from the late 4th century BC on, when the number of buildings constructed by magistrates increased because of the growth of military spoils. But it seems that there was no regulation prohibiting an individual to take part in such activities.